

НОВЫЕ
ИНИЦИАТИВЫ
И ПРОЕКТЫ

Анна Берсенева и Владимир Сотников: ПО ЖИЗНИ ВЕДЕТ ОЩУЩЕНИЕ «Я САМ МОГУ, САМ ПРИДУМАЛ, САМ НАПИСАЛ!»

Татьяна Сотникова – кандидат филологических наук и доцент Литературного института, известный писатель, книги которой издаются огромными тиражами под авторским брендом «Анна Берсенева». Владимир Сотников – известный детский писатель, автор многочисленных историй для детей. Педагогический и писательский опыт этого творческого и семейного союза может быть очень полезен участникам проекта «ВШЛ». Благодаря им мы попробовали взглянуть на ВШЛ с точки зрения профессионалов писательского мастерства и педагогики высшей школы образования. Что они видят интересного в проекте и почему рекомендуют его детям и учителям?

– Вы писатели, и книги – это продукт вашей деятельности. Что вы почувствовали, когда узнали, что дети, которым еще учиться и учиться, уже принялись за такое взрослое и ответственное дело?

В. С.: Моя первая реакция на услышанное – легкая зависть и радость. Я поздравляю людей, которым эта идея пришла в голову, и радуюсь за них. Я вспоминаю свое детское состояние и понимаю, что тогдашняя потребность в творчестве наложила отпечаток на всю мою жизнь. Вспомнил и своего дедушку, который начал писать воспоминания с огромным опозданием. Рано или поздно человек приходит к осознанию этой необходимости. И чем раньше это осознание придет, тем лучше: человек увидит больше плодов своего творчества. Очень важно, что дети приступили к написанию своей истории и уже видят результаты своего труда.

А. Б.: Конечно, первая моя реакция – это радость. И мысли не может быть, что это рано и не ко времени. В 7 лет получится один текст, в 14 – другой, в 17 – третий. Пожелание детям только одно: чтобы всё задуманное осуществилось.

– Когда человек пишет книгу, он задумывается над тем, что пишет. В юном возрасте это может быть первая серьезная интеллектуальная нагрузка...

В. С.: Да, чем раньше проснется в человеке то, что отвечает за творчество, тем лучше. Путь, по которому идет человечество, сложный. Очевидно, что люди стараются научиться чувствовать, осознавать себя, свои желания и возможности. Но эта интеллектуальная нагрузка лишь помогает сделать жизнь лучше и даже продолжительнее.

А. Б.: Когда человек думает с целью создать что-то свое, запускается особый процесс, гораздо более значимый и важный, чем тот, который требуется ему для оценки готового текста.

Беседовал
ВЛАДИМИР ЧЕРНЕЦ,
эксперт по
продвижению
издательских и
библиотечных
проектов, г Москва

– В рамках ВШЛ на базе школ создаются творческие группы из учителей и учеников, которые, наверное, можно назвать первыми детскими писательскими школами, новой формой работы для педагогов. Можно ли при Литинституте создать детскую студию, где профессионально готовят писателей?

А. Б.: У нас есть курсы для абитуриентов, которым мы помогаем выбрать из их произведений тексты для творческого конкурса при поступлении в Литинститут. Но их слушатели уже ясно понимают свою цель и относятся к ней серьезно. А школьники, которые впервые пробуют себя в творчестве... Вряд ли им сразу необходимо заниматься при Литинституте. Вряд ли это нужно и проекту ВШЛ. Сейчас есть много творческих студий, мастерских, в которых участвуют литературному творчеству. И я вижу их органический недостаток, который для детей особенно опасен: это иллюзия, что, усвоив ряд приемов, ты будешь настоящим писателем. В Литинституте – не знаю, все ли руководители творческих семинаров, но лучшие точно – умеют этого избегать и умеют обучать, не давая студентам гарантии писательского успеха. Творчество, как говорил Хемингуэй, это не набор инструментов, которыми ты научился орудовать. Но во многих обучающих системах этого понимания нет. Ведь люди заплатили за курс обучения, за продукт, который им нужно предоставить. Детей особенно легко обмануть в их ожиданиях. Они сразу и с большим удовольствием усваивают опасную мысль: если стараешься в обучении мастерству, то обязательно получится. А в творчестве это не так. Поэтому я не сторонник школ литературного мастерства для детей. Другое дело – литературный факультатив, где детей собирают, чтобы порассуждать, почитать то, что выходит за пределы школьной программы, выразить свое отношение к этому письменно... Хорошо предложить детям написать Школьную летопись, но не стоит это превращать в системное обучение писателей.

– Старшеклассники, которые приходят на ваши курсы, чем-то отличаются от сверстников?

А. Б.: Это люди, которые чувствуют в себе потребность творчества – иногда смутную,

иногда более явственную. Они попробовали писать прозу, стихи или пьесы и ищут тех, кто поможет им разобраться, что делать с этим стремлением дальше. Хочется надеяться, что они находят таких помощников на наших подготовительных курсах.

– Вполне возможно, что многие из наших участников-старшеклассников мечтают поступить в Литинститут. Есть ли методики, проверочные задания, которые помогут выявить писательский талант или предрасположенность к писательскому творчеству?

А. Б.: Если есть что-то интересное в тексте, то при некотором опыте это можно понять. Хотя часто трудно дать этому «интересному» определение, да и вкусы у всех оценщиков разные. Но получится ли из человека писатель, сразу определить невозможно. Путь к писательству очень длинный. Как говорил Чехов, из 100 талантливых и подающих большие надежды, быть может, только 6 человек не бросят это занятие. Если речь идет о том, чтобы прийти на наши курсы, то это можно сделать. Любой из участников вашего проекта может зайти на сайт Литинститута и записаться в Лицей или на подготовительные курсы (это разное по срокам обучение). Но во время этих занятий мы не производим отбор в Литинститут. Мы даем возможность в течение года или трех месяцев проверить свое желание к нам поступать.

– А если учителям-наставникам в нашем проекте порекомендовать ставить своим ученикам те же задачи, что ставите вы на своих курсах?

А. Б.: Я веду творческие мастерские, во время занятий происходит обсуждение текстов, написанных абитуриентами. А задания даются на занятиях по подготовке к этюду – вступительному экзамену, который длится несколько часов во время творческого конкурса.

– Расскажите о своем школьном детстве. Если бы проект «ВШЛ» существовал в те годы, то какой теме вы посвятили бы страницы в этой книге?

В. С.: Когда вспоминаю детство, то вспоминается и ложная самоуверенность: тогда казалось, что всё сделал сам, всё

понял сам, открыл всё сам, без помощи учителей. Как я сейчас понимаю, самым главным в школе было неуловимое подталкивание ученика к тому, что он может сделать сам. Хорошие учителя как будто незаметны. Русскую литературу преподавала в старших классах моя мама, и я хотел написать сочинение лучше всех. Она меня не принуждала, не заставляла, не просила, не руководила мной... Чувство самостоятельности – одно из главных в жизни, поэтому самое важное в ВШЛ – не нарушать творческую волю детей. Надо, чтобы совпали их желания и предложения учителей, которые будут руководить проектом. Тогда проявится полезное ощущение «я сам могу», «сам придумал и написал», «сам сумел». Вспоминаю свои первые школьные стихи. Через стихи ведь, наверное, многие школьники пытаются что-то выразить...

– Да, у нас в проекте «ВШЛ» очень много поэтов.

В. С.: Мне кажется, в литературе очень трудно выявить талант. Человек, способный к музыке или живописи, может голосом повторить ноту, подобрать краски и провести линию – учитель-профессионал оценит это сразу. А определить талант будущего писателя... Вроде все умеют писать. Но очень трудно выявить естественность, самостоятельность человека в этом занятии. А есть ведь еще легкое детское бахвальство: «Я такой способный!» Как с этим быть? Когда я вел детскую литературную студию, мне с этим было нелегко. Как только появляется рассказ, сказка, книга, это начинает кружить голову. Учителя должны понимать, как убедить детей в том, что каждому человеку предоставляется лишь возможность писательства, которую предстоит еще реализовать. Многие студенты Литинститута ломались, когда осознавали: таких же талантливых и гениальных, как я, вокруг еще 50. И ведь это взрослые люди... Надо быть осторожнее со школьниками, с их неокрепшим сознанием.

– Каким был ваш класс и как вы сами ощущали себя в коллективе?

В. С.: Сразу отмечу, что я учился в деревенской школе, и там был маленький класс – как небольшой экипаж. У каждого была своя роль, никто не занимал чужое

место. У каждого в классе была своя «полочка», каждый знал, с чем пойти к другому. Кто-то был лоботряс и хулиган, но мог защитить. Кто-то умел ходить в походы или был на все руки мастер. Кто-то умел веселить. Мои папа и мама были учителями, и мне некуда было деваться от хорошей учебы. У меня одновременно был образ «всезнайки» и «своего парня». Я думаю, что и сейчас каждый класс так же расставляет характеры и умения по полочкам. Это и есть коллектив, и каждый учитель это знает.

– Были ли какие-то случаи на уроках, о которых вы любите вспоминать?

В. С.: На 30 с лишним детских книг хватило мне историй из моего детства. Приключенческие и событийные, лесные истории. Я родился в 60-е годы в белорусской деревне, вокруг партизанские леса... Не знаю, как мы остались живы. Мы всегда что-то искали – клады и склады. Клады, конечно, с сокровищами, а склады – с боеприпасами. Были и ситуации соперничества, детской любви. Детство – это необозримая тема, миллионы разных случаев.

А. Б.: Если бы в мои годы была школьная летопись, то, конечно, я была бы очень активной ее участницей. Я училась в одной из лучших школ Минска, сейчас это гуманитарный лицей. Мои воспоминания о школьном детстве – это, не в последнюю очередь, воспоминания о наших разговорах: кто чем интересен, кто задавака, а кто душа-человек, с кем интересно дружить, а с кем не хотят дружить... У нас был хороший класс. Считалось нормальным читать. Ну, а я вдобавок была такая девочка – мечта учителей. Закончила школу с золотой медалью, была победителем республиканской олимпиады по русскому языку и литературе. Так что, конечно, я бы активно участвовала в такой летописи. Было о чем и о ком писать. У меня были подруги...

– А мальчик был?

А. Б.: Конечно. Это же естественный процесс.

– Что интересно в детской речи? Что вам интересно в детях, когда вы с ними общаетесь?

В. С.: Меня прежде всего интересует юмор детей по отношению ко взрослым,

насмешливое отношение ко мне, к учителям, к родителям. У них этот юмор интересно отражается и в творчестве. Особенно когда они жалеют нас – что мы чего-то не понимаем, до чего они уже вполне дошли. Отчетливо помню, как я сам в детстве думал, что зря родители относятся ко мне как к ребенку, я ведь всё уже знаю в жизни, на 100 % понимаю.

– В каком возрасте это чувство вас покинуло?

В. С.: Не совсем покинуло, но стало своеобразным – с сомнением. А раньше такого не было. Была абсолютная уверенность. Потом я стал понимать, что у меня свое место в жизни, и свои чувства, и свой окуляр.

– Ой, и у меня такое было! Абсолютная уверенность в понимании всех сложностей жизни продержалась аж до окончания института...

А. Б.: Это было у всех. И мне интересно всё, о чем дети пишут. На любую тему и в любом жанре. Но только когда в авторе-ребенке я чувствую внутреннюю свободу. Интересны истории о том, как они прогуливают уроки, как справляются с задачами, изобретают формулу, которую и Эйнштейн бы не изобрел... Когда автор текста не повторяет общие представления, а пишет про свое.

– Какие еще темы в книге класса были бы интересны для чтения? О чем вы рекомендуете вспоминать и рассказывать авторам?

А. Б.: Самое сложное в таком проекте – формализовать работу, не прекратив ее творческой жизни. Мне кажется, учитель сначала соберет класс и предложит вспомнить события, которые всем хотелось бы описать. И пусть дети это обсудят, и пусть будет длинный список: как мы ловили в классе воробья, как сорвали контрольную, как прогуляли урок, как на уроке химии получился взрыв... Каждый может написать о чем-то одном. Тогда тематически это будет структурировано. И это будет настоящая летопись: каждое событие будет посвящено жизни класса и окрашено индивидуальностью. Мне кажется, это самый разумный подход. И такая книга класса будет интересна всей школе, а может быть, и всему городу, и даже всей стране. Потому

что в каждом классе происходит огромное количество событий, которые похожи своими причинами и поводами, но при этом сильно различаются. Даже если речь о двух классах А и Б, разделенных стенкой, истории о том, как кто-то из учеников сбежал с урока, будут очень отличаться.

– А жизнь есть не только в классе, но и во дворе, и в Интернете...

А. Б.: Да, конечно, события могут касаться не только школы, они могут происходить вне ее стен. Но вся жизнь детей школьного возраста, где бы она ни проходила, хоть на каникулах в деревне или на экскурсии, все равно завязана на школу. Только надо им помочь организовать, договориться. Это задача взрослого, это большая работа.

– Стоит ли детям предлагать отвечать на взрослые вопросы, помня, что они живут в уверенности, что все знают и понимают в жизни?

А. Б.: Это правомерно и интересно, если вы готовы предоставить детям полную свободу в высказывании своего мнения. К огромному сожалению, школы в их сегодняшнем состоянии вряд ли на это пойдут.

– Я имел в виду детские рассуждения на важнейшие и вечные темы дружбы и любви или рассуждения о сложностях человеческих взаимоотношений.

А. Б.: Лучше привязывать к общим темам какие-то школьные события, случаи из школьной жизни. Например, в классе произошла ссора и разыгрались страсти, и было трудно достигнуть согласия. Вот и будет текст о дружбе и ее проблемах, но не общие слова и штампы, а описание знакового для учеников события. В котором, конечно, будут и рассуждения.

– Как настраиваться на работу? Есть ли какие-то писательские профессиональные приемы настройки, практики, которые можно порекомендовать детям или их наставникам?

В. С.: Пусть всё выплескивается стихийно. Пусть пишут всё, что приходит в голову. Не надо себя настраивать на создание литературного произведения. Просто высказаться – как будто пересказываешь разговор со своим другом. Можно попробовать устно наговорить и записать на

диктофон, а потом переписать в книгу, убрав лишние слова.

А. Б.: Я бы порекомендовала не забывать, что ты пишешь летопись. Значит, стоит рассказать о событии. И ещё одно – надо заранее понимать, что самое главное хочется показать в своем рассказе, чтобы это главное не растворилось в подробностях.

– Говорят, что все мы родом из детства. А что в вас осталось детского?

В. С.: Недавно перечитывал свою книгу, там есть фраза: «Что ведет вас по жизни? То, что было перед глазами». Детство, которое было перед глазами, ведет по жизни. Сейчас я не знаю, на сколько процентов, но я там, в детстве. По-другому и быть не может. Даже побуждение к профессии оттуда. Наша учительница Нина Романовна привела в класс Бориса Зайцева, местного деревенского поэта. Он был лет на 10 старше нас. Публиковался в районной газете. И прочитал нам свои стихи. Самым важным было то, что он жил на соседней улице. Такой же, как мы, а осмелился писать стихи! Это меня подтолкнуло сильнее, чем портреты классиков на стене, подвигло меня в уверенности, что я тоже смогу писать, больше, чем чтение Толстого. Потому что Борис Зайцев был один из нас. И всё мое детство заполнено такими маленькими подробностями, которые значительнее самых больших событий.

А. Б.: Конечно, в детстве закладываются какие-то основы представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо, – если тебе повезло и тебе дают это правильно понять. А какие-то вещи даны тебе самому. Если ты понимаешь, что воровать нельзя, убивать нельзя и прочее, то это останется с тобой на всю жизнь.

– Вы согласитесь с мнением некоторых людей, что нынешнее молодое поколение совсем другое, как из других цивилизаций?

А. Б.: Хотя и происходят глобальные изменения в мире, цивилизационные и технологические, у меня нет ощущения, что дети какие-то совсем другие. Возможно, такая точка зрения – что всё совершенно переменялось – бывает у деда в отношении внука, когда дед не знает, как электронную почту получить, а внук знает. Да, внук пишет

компьютерную программу и переговаривается с другом в Калифорнии по дороге в магазин. Да, это всё еще вчера невозможно было себе представить. Но в основном люди всё-таки те же.

В. С.: Людей сближает не техника и не умение ею пользоваться, а человеческие чувства и их творческое выражение. И это творчество не только сближает людей одного времени, но и связывает разные эпохи. Стремление выразить свои чувства и мысли – этим мы всегда будем похожи на своих детей и внуков. И это не зависит от времени и его ускорения.

– Какой вопрос вы бы хотели задать детям, которые пишут книги класса?

В. С.: На одной встрече с читателями мальчик меня спросил: что Вам труднее представить – конечность или бесконечность Вселенной? Мне бы тоже хотелось спросить детей, как они чувствуют Землю. Одни ли мы во Вселенной? Хочется не столько ответ от них получить, сколько пожелать им об этом подумать. Предложить посмотреть на себя издали. Другое ощущение жизни при этом возникает.